

22.06.2016

УЧЕНЫЕ ПОПАЛИ В «ЦИКЛИЧЕСКУЮ» ЛОВУШКУ

Главный итог трех лет реформы Академии наук - фактическое упразднение РАН как субъекта научной деятельности

 Андрей Ваганов

Ответственный редактор приложения "НГ-Наука"

29 августа 2013 года. Президент РАН Владимир Фортов выступает с трибуны Чрезвычайной конференции научных сотрудников РАН. Фото автора

27 июня исполнится ровно три года с начала реформы академической науки в России. Именно тогда на заседании правительства совершенно неожиданно даже для многих членов правительства премьер-министр Дмитрий Медведев вынес на рассмотрение законопроект «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук...». Три года - вполне достаточный временной отрезок для формирования исторической оценки произошедшему и для того, чтобы попытаться проанализировать перспективы дальнейшего развития академической науки в России.

Краткая хронология реформы

Согласно первому варианту этого законопроекта, Российская академия наук (РАН) подлежала фактической ликвидации (упразднению). За нею оставляли, по сути, лишь функции клуба ученых - «общественное государственное объединение «Российская академия наук».

28 июня 2013 года правительство РФ внесло в Государственную думу РФ проект федерального закона «О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Первый, самый радикальный вариант законопроекта, удалось несколько смягчить и откорректировать благодаря авторитетному академическому лобби - академикам Евгению Примакову, нобелевскому лауреату Жоресу Алферову, президенту РАН Владимиру Фортову. Формулировка о ликвидации РАН была исключена. Однако, как справедливо отмечала в 2014 году эксперт в области государственной научно-технической политики (ГНТП), доктор экономических наук Ирина Дежина, «в 2013 году в результате молниеносной реформы Академия прекратила свое существование в прежнем историческом виде, утратив основную часть своих функций и привилегий».

25 июля 2013 года академик Жорес Алферов обратился к президенту РФ Владимиру Путину с открытым письмом (далее цитирую по Интерфаксу): «Предложенный «в пожарном порядке» закон о реорганизации РАН и других государственных академий наук «отнюдь не решает задачу повышения эффективности научных исследований», говорится в послании Алферова... Алферов считает также абсолютно надуманным объединение РАН с Российской академией медицинских наук и Российской академией сельскохозяйственных наук. «Проводя его, мы только разрушим нормальную работу всех трех, а организация взаимодействия и совместных исследований вовсе не требует этой реорганизации», - говорится в письме. По мнению ученого, «абсолютно надуманы и не имеют смысла» и тезисы о том, что организация РАН соответствует 30-40 годам прошлого столетия и не соответствует XXI веку».

18 сентября 2013 года этот законопроект был принят Госдумой в третьем, окончательном чтении.

27 сентября 2013 года этот законопроект подписал президент РФ Владимир Путин. Закон вступил в действие.

Авторы академической реформы, - кстати, до сих пор поименно и официально не названные, хотя теперь уже это секрет Полишинеля, - похоже, действовали согласно известному с 1968 года принципу, родившемуся на парижских баррикадах: «Будьте реалистами - требуйте невозможного!». В итоге, пожертвовав вроде бы «пешкой» (явно провокационным требованием ликвидации РАН), реформаторы науки приобрели новое качество - Федеральное агентство научных организаций (ФАНО). Именно в его ведение переданы были все научные институты и организации РАН со всем их имуществом.

Подразумевалось, что агентство будет обеспечивать всю финансово-хозяйственную часть деятельности институтов академии, а собственно РАН - научное руководство институтами. Причем все решения, касающиеся деятельности институтов, должны приниматься на основании так называемого принципа «двух ключей».

ФАНО-эффект

Об «эффективности» работы ФАНО в последнее время сказано много. Скажем, в предыдущем выпуске «НГ-науки» были опубликованы две статьи, принадлежащие перу ученых. Названия этих материалов говорят сами за себя: «Не хочу быть рабом ФАНО» и «К чему приведет оценка результативности НИИ строительного профиля по методике ФАНО» (см. «НГ-наука» от 08.06.16).

А вот академик Гермоген Крымский, на протяжении многих лет возглавлявший Институт космофизики, в интервью агентству YAKUTIA.INFO резюмировал: «Многие не знают, что в ведение ФАНО была передана не только хозяйственная деятельность институтов, но и институты сами. То есть управляет не только имуществом институтов, а самими институтами... <ФАНО> способно оценивать работу институтов и, исходя из этих оценок, определять судьбу институтов. ФАНО может также объединять институты, чем уже и занимается, и распределять их по разным категориям. А от этого зависит финансирование. Например, третья категория не финансируется государством вообще...»

Там сложный механизм оценки, но дело даже не в этом. А в том, что работать в ФАНО пришли люди не из науки. Его руководитель Михаил Котюков - это бывший замминистра финансов... И набрал он к себе таких же людей. И они управляют нами. Но как они могут это делать, не понимая существа деятельности научных организаций? И они делают это при помощи цифр. И вот они вырабатывают разные способы цифровой оценки... Индекс Хирша, например, который показывает, насколько та или иная публикация цитируется.

Это неплохой показатель, но его нельзя поставить критерием общей оценки работы. Альберт Эйнштейн, например, точно бы проиграл, если бы его научные изыскания оценивали таким способом. Поэтому нужно понимать деятельность, а не смотреть на цифры.

Но решение в ФАНО принимают на основе цифр. А принцип «двух ключей», который предполагает со стороны Академии наук консультирование и рекомендацию, для ФАНО не работает. И у них есть силы, которые отрицают контакт с Академией наук. И даже Владимиру Фортву не удастся наладить этот контакт. В ФАНО продолжают оперировать цифрами».

Но главный дефект в деятельности ФАНО даже не то, что агентство непонятно, на каком основании считает себя одним из главных субъектов формирования ГНТП и вправе распоряжаться судьбой российской академической науки. Главное в другом: своей деятельностью ФАНО, вольно или невольно, разрушает субъектность единственной и последней организации, которая могла выражать консолидированное мнение научного сообщества.

РАН - фантомный субъект

Дело в том, что до сих пор любая политика, в том числе государственная и научно-техническая, рассматривается у нас в терминах субъект-объектного взаимодействия. Для субъекта ФАНО объектом стала Академия наук. Отсюда и фетишизация библиометрического показателя в деятельности ученых, и стремление свести принципиально несводимую к чисто цифровому показателю фундаментальную науку к «бухгалтерскому отчету». (Кстати, заметим, мировая статистика свидетельствует: меньше одного процента научных публикаций находит сколь-либо значительный круг читателей.) Объект безмолвен и пассивен, из него можно лепить, что душа (или премьер-министр) пожелает - мечта эффективных менеджеров!

Государственные и политические структуры, ответственные за формирование ГНТП в стране, по какой-то неизвестной причине не могут понять, что управление инновационным развитием, о котором мы постоянно слышим с самых высоких трибун, само по себе возможно только тогда, когда существует (создан) «хороший стратегический субъект» (определение доктора психологических наук В.Е. Лепского). Другими словами, когда реализуется субъект-субъектная схема управления (так называемая концепция рефлексивного управления, сформулированная в конце 60-х годов XX века работающим сейчас в Калифорнийском университете (США) советским психологом и антропологом Владимиром Лефевром).

Прикладная наука потеряла свою субъектность еще в 1990-е годы прошлого века, ее просто не стало. Вузовская наука, на которую делают ставку в последнее десятилетие, опять же вся «заточена» на повышение библиометрического индекса Хирша как самого важного показателя отчетности перед Министерством образования и науки РФ. Судя по всему, вузовской науке это вполне удастся. По крайней мере, по данным директора Института экономики РАН Елены Ленчук, в пересчете на одного исследователя финансирование в вузовском секторе уже в 2,7 раза превышает финансирование организаций ФАНО.

До 2013 года только Российская академия наук, несомненно, оставалась стратегическим субъектом политики. Поэтому, кстати, и нет ничего удивительного в том, что за период 1990-1998 годов в численности занятых исследованием и разработкой доля академического сектора повысилась в 1,7 раза (с 9,9 до 17,1%), а в численности исследователей и техников - в 2 раза (с 10,0 до 19,9%). В начале 1999 года в РАН было сосредоточено 57% всех докторов наук и 40,7% кандидатов наук. Объект, не сформировавший (или которому не дали сформировать) собственную субъектность, обречен.

По образному выражению Сальвадора Дали, «жить - это прежде всего участвовать». Политика, проводимая ФАНО в отношении Академии наук, как раз и направлена на то, чтобы максимально лишить этой возможности академию. Нет субъекта политики - некому в ней и участвовать. Вот последний пример, подтверждающий сказанное.

В начале июня некоторые СМИ сообщили, что в ближайшее время ожидается подписание двух документов о сотрудничестве между национальным исследовательским центром «Курчатовский институт», госкомпанией «Росатом» и ФАНО. Соглашения предполагают создание двух межведомственных центров, один для проведения работ в области плазменных и термоядерных исследований, второй - в области нейтринных исследований. Участниками проектов со стороны ФАНО должны стать институты Академии наук, в том числе Физический институт имени Лебедева (ФИАН), Институт ядерных исследований (ИЯИ) и петербургский Физико-технический институт имени Иоффе. Научное руководство обоими межведомственными центрами в соответствии с текстом соглашений, будет осуществлять «Курчатовский институт».

Решать общие задачи помогут межведомственные центры, в каждый из них войдут представители «Курчатовского института», организации Росатома и двух институтов РАН. Управляющий совет межведомственного центра возглавят президент «Курчатовского института» Михаил Ковальчук, генеральный директор Росатома Сергей Кириенко и руководитель ФАНО Михаил Котюков. «Курчатовский институт» возьмет на себя научное руководство межведомственными центрами.

Как следует из истории науки, доказывать очевидные истины труднее всего.
Фото автора

Надо ли говорить в контексте нашей темы, что проекты эти были подготовлены без участия РАН. И даже президента Академии наук Владимира Фортова не сочли нужным хотя бы поставить в известность. В разговоре с «НГ» один из научных сотрудников ФИАНа, попросивший не называть его имени, отметил, что в самом институте обескуражены таким предложением: ФИАН никогда не специализировался в области плазменных исследований. Но руководство ФИАНа скорее всего будет вынуждено участвовать в этом проекте из опасения финансовых санкций в случае отказа.

И примеров подобного рода распыления, расщепления, энтропийного выдоха субъектности РАН за три года реформы накопилось более, чем достаточно. Какова может быть развязка? Не хотелось бы, что называется, каркать, но перспектива представляется вполне определенной. Случится так, как однажды уже случилось в истории. В эпоху Французской революции XVIII века.

Последний год существования Академии наук в Париже в то время совпал с первым годом республики. 8 августа 1793 года в Конвент республики был внесен законопроект, первая статья которого звучала так: «Все академии и привилегированные или содержащиеся на средства нации литературные общества упраздняются». Конвент одобрил эту статью. 14 августа усилиями выдающегося французского химика и директора академии Антуана Лорана Лавуазье был принят «смягчающий» это решение декрет: академикам разрешили собираться в их обычном месте, в Лувре, и сохранили за ними жалованье. Но когда обрадованные академики пришли 17 августа на свое очередное заседание, помещение оказалось опечатанным.

«За три недели до этого в зале заседаний в Лувре были сняты все ковры и картины, а также удалены все другие предметы роскоши, напоминавшие о старом режиме, - пишет историк науки Игорь Дмитриев в своем исследовании «Союз ума и фурий» (2011). - Но у академиков еще теплилась надежда, точнее, иллюзия, что они нужны революционной власти, и 7 августа, сидя в помещении с голыми стенами, они спокойно обсудили мемуары Ф. Лаланда о движении звезд».

То, что сегодня происходит с Российской академией наук, иногда до деталей повторяет французский сюжет двухсотлетней давности.

Однажды, 20 лет спустя

В 1990 году в очень интересном сборнике «Научно-техническая политика: проблемы формирования и реализации», изданном Институтом экономики и прогнозирования научно-технического прогресса АН СССР (М.: наука, 1990), был опубликован любопытный прогноз. Вот выдержка из него.

«Важнейшей целью научно-технической и структурно-инвестиционной политики второй половины 90-х годов явится создание мощного и мобильного инновационного потенциала, который должен охватить и связывать крупные звенья сферы НИОКР, высшего образования и инвестиционного комплекса, прежде

всего машиностроения. Его задача - генерировать и воплощать в технике и технологиях нововведения, обеспечивать их ускоренную реализацию в народном хозяйстве.

К концу этого периода в результате экономической нормализации производства, возникновения устойчивого спроса на нововведения и укрепление в этой связи прикладной науки государственная научно-техническая политика сконцентрируется прежде всего на обеспечении широкого фронта фундаментальных исследований и поддержке долгосрочных, ресурсоемких и рискованных направлений совершенствования технологий».

Сегодня нам с вами легко иронизировать по поводу точности авторов этого прогноза, сделанного уже больше четверти века назад. Здесь даже никаких особых комментариев не требуется. Но этот текст натолкнул на мысль о неких циклах в постоянной попытке реформировать науку в России. Длительность этих циклов - 18-20 лет. Причем это распространяется не только на советский и постсоветский период истории страны.

Так, можно даже рискнуть и высказать предположение, что ФАНО, учрежденное 25 октября 2013 года, будет реформировано (или расформировано) в 2032 году. Такое предположение позволяет сделать историческая аналогия. Дело в том, что 31 октября 1766 года именно это произошло с прототипом нынешнего ФАНО - академической канцелярией, существовавшей официально с 1747 года (именно тогда специальный параграф «О канцелярии» появился в первом уставе (Регламенте) Императорской академии наук и художеств)...

Более свежий пример. В 1961 году партийное руководство СССР и правительство СССР принимают постановление, в соответствии с которым из Академии наук СССР были переданы в различные отраслевые министерства и ведомства значительная часть учреждений и занятые в них научные работники - 92 учреждения с общей численностью сотрудников более 20 тыс. человек. Это составило почти половину всех научных учреждений АН СССР и одну треть численного состава ее сотрудников. На академию возлагалось руководство теоретическими исследованиями в области естественных и общественных наук в стране, и в то же время АН освобождалась от отраслевой научно-технической тематики. Но в начале 80-х, с целью повышения качества научно-технических исследований и разработок, целому ряду крупных научных институтов технического профиля был возвращен академический статус, и они вновь вошли в состав АН СССР...

И совсем недавний прецедент. В марте 2016 года решением правительства РФ к Российскому фонду фундаментальных исследований (РФФИ) присоединен Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ). Напомним, РФФИ был основан в 1992 году. Через два года, вследствие специфики гуманитарных исследований из состава РФФИ была выделена отдельная структура - РГНФ...

То есть все те же 20 лет между реорганизацией.

Уже упоминавшийся основатель современной химии Лавуазье, пытаясь в 1793 году остановить ликвидацию Академии наук в Париже, предостерегал революционный конвент, что «иностранные державы не ждут ничего лучшего, как воспользоваться этим обстоятельством». «Если депутаты допустят, - взывал Лавуазье, - чтобы ученые, которые составляли Академию наук, удалились в деревню, заняли иное положение в обществе и предались бы более прибыльным профессиям, организация наук будет разрушена, и полувек не хватит на то, чтобы воссоздать поколение ученых».

Очень скоро, в мае 1794 года, Лавуазье будет гильотинирован. Сегодня времена, конечно, более вегетарианские. Но к предупреждению Лавуазье все-таки стоило бы прислушаться.